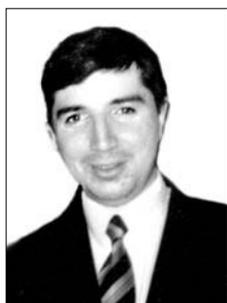

УЧИЛИЩЕ КНЯЗЯ ТЕНИШЕВА

В истории отечественной школы Тенишевское реальное училище стоит особняком: долгие годы его опыт замалчивался или тенденциозно осуждался. Многие в этом училище было «впервые в истории»: и смешение сословий, и ежедневные занятия ручным трудом, и научно-исследовательская деятельность воспитанников. Основатель училища, князь Тенишев, видел, что выпускники гимназий с трудом адаптируются в индустриальном обществе. Это обстоятельство побудило его к созданию современной школы. В хронике Тенишевского училища великие русские судьбы переплелись с такими новаторскими начинаниями, которые актуальны и в XXI веке.

Арсений
Замостьянов

Легендарное Тенишевское училище — пожалуй, самое примечательное учебное заведение в России начала XX века. Все противоречия того времени, связанные с пиком развития русского капитализма, врезались в каменные своды знаменитого дома на Моховой.

Тенишевы — старинный княжеский род, происходящий от мурзы Тениша Кугушева, который был принят на службу московским царём и пожалован помещиками в 1528 году. Род Тенишевых быстро обрусел, как это бывало со знатными татарскими семьями, которые принимали православие и получали княжеский титул. Князь Вячеслав Николаевич Тенишев (1843—1903) остался в истории не только как основатель знаменитого училища, но и как крупный социолог и этнограф, энтузиаст просвещения. Получив инженерное образование, уже в 1880-е годы он считался крупным предпринимателем, ворочал миллионными доходами. В одном из имений Тенишева — в Хотылёве, под Брянском, с 1888 года располагался своеобразный штаб деловой жизни губернии. Тенишев совместно с преуспевающими предпринимателями П.И. Губониным и В.Ф. Голубевым учредили в июле 1873 года «Акционерное общество Брянского рельсопрокатного, железоделательного и механического завода» (ныне — Брянский машиностроительный завод). В обязанности Тенишева входило инженерно-техническое руководство заводом. Его знания и энергия способствовали тому, что завод быстро развивался и уже к 1900 году занял в России второе, после Путиловского завода в Петербурге, место по объёму выпускаемой продукции. Для удобства связи усадьбы с Бежицей В.Н. Тенишевым была построена платформа «Хотылёво» на Риго-Орловской железной дороге. От неё проложена шлаковая дорога и сооружён стальной мост через Десну. Мост был разрушен во время Великой Отечественной войны...

Придворную карьеру Тенишев сочетал с деловой: одновременно он является руководителем Международного коммерческого банка и камергером двора. Впрочем, дарования князя были головокружительно разнообразными. Композитор, виолончелист, рьяный коллекционер, учёный-этнограф... И, конечно, меценат. Человек пред-

примчивый, с широким кругозором, с крепкими связями в верхах, Тенишев был заинтересован в развитии коммерческого образования в России и мечтал о собственном учебном заведении, которое соответствовало бы его прогрессивным идеалам. К тому времени он уже много лет следил за развитием европейской философии и педагогической мысли, считал себя позитивистом, сторонником технического и социального прогресса.

Задолго до образования училища Тенишев озаботился проблемами народного просвещения. Он стремился к практической ориентации образования, к наиболее эффективным методам обучения, которые бы учитывали естественные потребности и способности детей. Ещё в 1880-е годы он писал: «На деле во многих случаях далеко не достигается решение указанной задачи, несмотря на многолетнее учение. Происходит это оттого, что, во-первых, нередко предметы обучения не соответствуют возрасту. Кроме того, детей принуждают долго останавливаться на одном и том же предмете, упуская из виду, что подросток не может так сосредотачиваться, потому что ему необходимо знакомиться со всем окружающим его миром, а не с одним предметом». Это наблюдение не теряет актуальности и в наши дни. Князь не признавал бессистемного, лишённого конкретной цели, образования. По его мнению, программа училища должна была соответствовать природе человека, его естественным возможностям, а также требованиям рынка труда.

Тенишев основательно подошёл к делу, в которое вложил огромную по тем временам сумму — полтора миллиона рублей. В 1896 году он открывает школу и одновременно покупает участок земли на Моховой, на котором архитектор и инженер Р.А. Берзен строит по высшему стандарту того времени два здания для училища. Школа была преобразована в коммерческое реальное училище на пороге нового века — в 1900 году. За училищем сразу закрепилось имя основателя. На освящении зданий присутствовал министр финансов, будущий премьер-министр Сергей Юльевич Витте. Великий реформатор дорожил дружбой с Тенишевым, да и проект училища соответствовал духу проводимых им буржуазных реформ. В то же самое время князя Тенишева, ввиду особых заслуг в отечественной промышленности, назначают Генеральным комиссаром Русского отдела на Всемирной выставке в Париже в 1900 году. Всемирная выставка стала триумфом Тенишева, укрепила его авторитет в правительстве и при дворе. Отныне всё, что он делал, оказывалось в центре внимания — и на вновь образованное училище были устремлены взоры вездесущей общественности.

Особо нужно сказать о жене Тенишева — Марии Клавдиевне. Стремясь возродить крестьянские художественные ремёсла, Тенишева и приглашённые ею художники организовали в её имении Талашкине, под Смоленском, учебные и художественно-промышленные мастерские (столярные, резьбы и роспи-

си по дереву, гончарные, вышивки). В Талашкине работали художники С.В. Малютин, М.А. Врубель, Н.К. Рёрх, братья Бенуа, М.В. Нестеров, К.А. Коровин, И.Е. Репин, скульптор П.П. Трубецкой, композитор И.Ф. Стравинский. Имение Талашкино стало признанным культурным центром Серебряного века. Музей «Русская старина», собранный Тенишевой, ныне включён в собрание Смоленского музея изобразительных и прикладных искусств им. С.Т. Конёнкова. На свои средства Мария Клавдиевна организовывала художественные школы в Петербурге и Смоленске, помогала нуждавшимся живописцам... С 1919 года Мария Клавдиевна находилась в вынужденной эмиграции. В Париже она нередко жила и до революции, но после 1919-го даже временное возвращение на родину стало невозможным. М.К. Тенишева ушла из жизни в 1928 году, в Сен-Клу, близ Парижа. В это время на родине уже изучали наследие Талашкина, разгромленного в первые послереволюционные месяцы. А в 1946 году имение было объявлено историко-художественным заповедником. Но возвратимся на несколько десятилетий назад, в годы, когда князь Тенишев проявлял свои незаурядные таланты. В 1898 он создаёт «Этнографическое бюро». Разрабатывает «Программы этнографических сведений» о крестьянах и о «городских жителях образованного класса» с задачей собрать материал «о поступках и поведении управляемых» для государственной администрации. В них исследователи позднейших времён нашли немало ценных сведений. Тенишев всерьёз изучал статистику и демографию. Он не только сам изучал русскую крестьянскую общину, но и поддерживал научные изыскания других учёных по темам, которые полагал перспективными. Этнографы писали Тенишеву из самых отдалённых уголков России — каждый надеялся на поддержку мецената и совет учёного. С годами всё сильнее было и увлечение педагогикой. Безу-

ловно, главным делом энергичного князя со второй половины 1890-х было его любимое детище — реальное училище.

Первым директором училища стал замечательный педагог Александр Яковлевич Острогорский (1868—1908). Послужной список этого педагога-литератора впечатляет: под влиянием работ Ушинского он создаёт школьную хрестоматию по русской литературе «Живое Слово» (с 1907-го по 1915 год выдержала одиннадцать изданий!). Хрестоматия заслуженно считалась лучшим пособием этого рода. Из других трудов Острогорского нельзя не упомянуть «Русское правописание» (СПб., 1908, книга также выдержала одиннадцать изданий); «Как устроить среднюю школу» (СПб., 1903); «Коммерческое образование в России» (СПб., 1895). Кроме того, с 1896 года Александр Яковлевич редактировал журнал «Образование». По воспоминаниям современников, Острогорский в «годы свобод» был активистом Санкт-Петербургской городской думы, организовал учительский союз, учредил высшие юридические курсы. Но главным в жизни Острогорского, несомненно, было Тенишевское училище, уникальный педагогический эксперимент, позволивший педагогу исключить из обихода Тенишевки школьную рутину, воплотить по образцу Царскосельского лицея индивидуальный подход к каждому ученику.

Острогорский считался незаурядным воспитателем — признаем, что этот талант нечасто сочетается с талантом учёного. Он был счастливым исключением. «Цели воспитания должны удовлетворить и общественным нуждам, и правам человека на личную жизнь. К этой цели каждого следует вести его путём». Организатор «учительского союза», Острогорский видел недостатки современной ему образовательной системы в оторванности от течения общественной жизни — экономической и культурной. Гимназическая традиция «толстовского классицизма» нуждалась

в приобщении к прогрессу, к новациям. Острогорский обращал пристальное внимание на трудовое воспитание, медицину и гигиену. Опираясь на русскую крестьянскую традицию, давно забытую элитой, он вводит ежедневные занятия ручным производственным трудом. Этот эксперимент не мог пройти гладко в условиях элитарного учебного заведения — и действительно, некоторые учащиеся роптали, но занятия трудом продолжались. Острогорскому было необходимо довести до совершенства этот приём — и Тенишев поддерживал его начинание.

Даже с вековой исторической дистанции очевидно, что Тенишев и Острогорский составили очень удачный тандем: они были откровенны друг с другом и с одинаковым энтузиазмом относились к миссии училища. Обыкновенно Тенишева представляли холодным, расчётливым педантом. Острогорский увидел в нём иные черты: «Он всегда охотно приходил на помощь нуждавшимся в его поддержке, но он был не только добрый человек, — добрыми бывают часто люди по расчёту, — Вячеслав Николаевич был человек сердечный. Особенно ярко сказывалась эта неоценимая черта в его отношениях к детям, к молодёжи. Нужно было видеть его среди детей в школе, которую он очень любил посещать... И его любили дети. Да и не мудрено: в его обращении было так много простоты и естественности. Вячеслав Николаевич был человек очень скромный и удивительно простой, невзирая на богатства и княжеский титул. Ни тому, ни другому он не придавал значения, за всю свою жизнь не искал никаких почестей, не жертвовал денег из-за наград и орденов. В нём не было и тени мирской суетности: как человек здравого ума, он относился ко всяким внешним отличиям со снисходительной насмешкой».

Князь Тенишев — личность загадочная. Прогрессист и новатор, он нередко жертвовал традицией ради эксперимента. Так, в училище не было наказаний, ежедневных оценок и экзаменов, не было и учебников. Нельзя не упомянуть об

Здание Тенишевского училища

обилии экскурсий, инициатором которых был педагог-историк Гревс: Путиловский завод, Горный институт, Ботанический сад, озеро Селигер, Иверский монастырь на Белом море, Крым, Финляндия (Сенат, Сейм, музеи, водопад Иматра). Особое внимание, по инициативе Острогорского, уделялось гигиене и физическому развитию. Подобно Ломоносову, Тенишев придавал решающее значение изучению математики.

Тенишев и Острогорский принципы трудового воспитания почерпнули из опыта кадетских корпусов. В классической гимназии ручным трудом практически не занимались, а Тенишев считал его основой воспитания. С благодарностью вспоминал занятия ручным трудом в Тенишевке писатель Олег Волков: «...мне пришлось впервые взять в руки стамеску и рубанок; доброе меланхолическое лицо нашего деревенского столяра Михаила, у верстака которого мы, мальчики, были готовы провести полдня, дожидаясь, когда он даст нам побаловаться своим инструментом. И уроки тучного Якова Семёновича в училище, и наставления Михаила (даст лучковую пилу, обхватит своей лапцой руку и начнёт водить по запилу, приговаривая: «Держи крепче, не заваливай вбок!» — и ты как пойманный. И как же рад, когда наконец упадёт опиленный кусок доски, но и горд безмерно!»). В дальнейшем этот опыт помог автору «Погружения во тьму» в лагерной одиссее и в ссыльной жизни.

В училище реализовались мечты Тенишева — то, о чём он не раз писал на протяжении десятилетий. Так, классы формировались из мальчиков разных сословий, независимо от их национальности и вероисповедания. Такие условия приёма были диковинкой для того времени, и в демократически настроенных кругах училище поначалу считали передовым. Ученики не носили формы, в старших классах преподавалось законоведение, поощрялись рефераты на общественные и гражданские темы, участие в литературных и исторических диспутах, занятия физкультурой. Не было классических гимназических дисциплин, навевавших воспоминания о министрах Уварове, Толстом и Делянове, — латинского и греческого. Вместо мёртвых языков было больше практических занятий по химии и физике, уроков труда, очень серьёзно изучались английский и немецкий языки — всё то, что могло пригодиться в жизни современному человеку. Знаменательный факт: училище подчинялось не Министерству просвещения, а Министерству финансов, что позволяло ему вести преподавание по своей программе. И помощь всемогущего Витте — пусть даже только моральная — не была излишней. Тенишев готовил кадры для индустриальной России, о которой грезил и Витте. Прагматизм Тенишева порой принимал крайние формы — особенно это сказывалось в устных и эпистолярных дискуссиях, но отражалось и в практической жизни училища. Так, князь писал в письме к А.Я. Острогорскому: «Сказки возбуждают в ребёнке фантазёрство, нервничанье и мешают ему здраво относиться к положительным фактическим данным. Вот корень, откуда вырастают спириты, телепаты

и вообще люди, набивающие свою одуроченную голову всякими предрассудками, склонные к заключениям гадательным, поддающиеся внушениям фантазёров и даже простых фокусников». Но, как и в романе Тургенева, жизнь спорила с максимами Тенишева. Преподаватели и питомцы Тенишевки увлекались и философией, и поэзией, и живописью. А уж когда, после смерти Тенишева, в училище пришёл Владимир Васильевич Гиппиус (1876—1941), ставший последним директором училища, педагогический коллектив стал уделять больше внимания развитию воображения и фантазии, исправляя технократический перекокс первых лет существования училища. Владимир Гиппиус (поэтессе Зинаиде Гиппиус он приходился кузеном) называл себя «кающимся декадентом». В 1890-е годы он прославился не столько стихами, сколько эпатажным поведением, проповедью символистского мирозерцания, туманного декадентства. Позже он вспоминал об этом времени: «В религии я стал атеист, эстетика побеждала религиозность. Политическое безразличие было полное. Мораль отрицалась вся вполне, без уступок». Прошли годы — и Владимир Гиппиус пересмотрел своё отношение к миру и искусству. Всё сильнее его интересовали этические вопросы, идейная, воспитательная сторона поэзии, литературы. Гиппиус говорит о духовно-преобразующей миссии литературы, занимается богословием. Пером богослова-литературоведа он пишет статьи о писателях-классиках. В 1915 году он издаёт книгу «Пушкин и христианство» — итог многолетней эволюции педагога, поэта и мыслителя. Младший брат Осипа Манделштама, Евгений, вспоминал: «Учителя Тенишевского училища, чуть ли не по всем предметам, по своей эрудиции и талантам были значительно выше обычных гимназических преподавателей того времени. Первым по справедливости должен быть назван преподаватель В.В. Гиппиус. Методика преподавания предмета у Влади-

мира Васильевича была своеобразной. На моём потоке он вёл занятия следующим образом. Учебников Гиппиус не признавал. Читал лекции, увлекая класс блестящим изложением интереснейшего материала. На каждый урок назначался дежурный, который был обязан всё подробно записывать, а на следующем занятии, прежде чем начинать новую тему, зачитывалась и обсуждалась эта запись. В конце учебного года все эти записи литографировались. По такому курсу проходило повторение и сдавался экзамен. Само собой разумеется, что уроки Гиппиуса были самыми любимыми». С искренней благодарностью вспоминает о В.В. Гиппиусе и Осип Мандельштам: «Власть оценок В.В. длится надо мной и по сейчас. Большое, с ним совершённое, путешествие по патриархату русской литературы от Новикова с Радищевым до Коневца раннего символизма так и осталось единственным. Потом только *перечитывал*» («Шум времени»).

Учеником Тенишевского училища с 1911-го по 1916 год был Владимир Владимирович Набоков. В стенах училища Набоковым был написан первый сборник стихов, увидевший свет в 1916 году. В.В. Гиппиус публично раскритиковал стихи своего ученика, подвергнув его неожиданно жестокой экзекуции. Тот день писатель запомнил навсегда — и из гордости никогда не признавался в обиде на Гиппиуса, которого в юности боготворил как «гениального поэта». Одно можно сказать определённо: болезненный урок нелицеприятных литературных нравов Набоков затвердил. Но литературы, на наше счастье, не оставил. Детство и юность навсегда остались для Набокова архипелагом творчества: он постоянно в памяти возвращается в прошлое, прямо или косвенно вспоминая свои тенишевские дни. Ностальгия, память — это, пожалуй, магистральный мотив набоковской музыки. В «Других берегах» Набоков с неподражаемой хладнокровной грустью, но и не без беспощадных реалистических красок вспоминал об училище: «Я

был превосходным спортсменом; учился без особых потуг, балансируя между настроением и необходимостью; не отдавал школе ни одной крупинки души, сберегая все свои силы для домашних отрад, — *своих* игр, *своих* увлечений и причуд, *своих* бабочек, своих любимых книг, — и в общем не очень бы страдал в школе, если бы дирекция только поменьше заботилась о спасении моей гражданской души. Меня обвиняли в нежелании «приобщиться к среде», в надменном щегольстве французскими и английскими выражениями (которые попадали в мои русские сочинения только потому, что я валял первое, что приходило на язык), в категорическом отказе пользоваться отвратительно мокрым полотенцем и общим розовым мылом в умывальной, в том, что я брезговал захватанным серым хлебом и чуждым мне чаем, и в том, что при драках я пользовался по-английски наружными костяшками кулака, а не нижней его стороной. Один из наиболее общественно настроенных школьных наставников, плохо разбиравшийся в иностранных играх, хотя весьма одобрявший их группово-социальное значение, пристал ко мне однажды с вопросом, почему, играя в футбол, я (страстно ушедший в голкиперство, как иной уходит в суровое подвижничество) всё стою где-то «на задворках», а не бегаю с другими «ребятами». Особой причиной раздражения было ещё то, что шофёр «в ливрее» привозит «барчука» на автомобиле, между тем как большинство хороших тенишевцев пользуется трамваем. Наибольшее негодование возбуждало то, что уже тогда я испытывал непреодолимое отвращение ко всяким группировкам, союзам, объединениям, обществам. Помню, в какое бешенство приходил темпераментный В.В. Гиппиус, один из столпов училища, довольно необыкновенный рыжеволосый человек с острым плечом (тайный автор замечательных стихов), оттого что я решительно отказывался участвовать в каких-то кружках...» («Другие берега»). Набоков

Герб князей
Тенишевых

решительно поставил себя вне правил, которые задевали его личную суверенность. Он с юности ценил одиночество и созерцание, ему был не чужд снобизм. Однако многое в училище полюбилось Набокову: не только занятия языками и математикой, но и физические упражнения, и столярные работы.

В здании училища проходили литературные вечера, публичные лекции и диспуты, на которых тенишевцы могли видеть и слышать ярчайших учёных и писателей того времени:

А.А. Блока, А.И. Куприна, Д.С. Мережковского, В.В. Розанова, Н.С. Гумилёва, К.И. Чуковского и многих других. Эта творческая атмосфера была прекрасным дополнением к продуманному Тенишевым прагматичному регламенту училища.

А В.В. Гиппиус в литературной среде был своим человеком — и с удовольствием покровительствовал творческим кружкам в училище. Так, тенишевцы издавали несколько газет и рукописных сборников, в которых дебютировали многие в будущем прославленные литераторы. После революции В.В. Гиппиус, как и его младший брат — филолог Василий, служит в Наркомпросе. Умер бывший директор Тенишевского училища в чёрные дни первой блокадной осени, в ноябре 1941-го, в родном Ленинграде.

Тенишевское училище окончил и выдающийся литературовед, академик Виктор Максимович Жирмунский (1891—1971), признававший, что решающее влияние на его научную судьбу оказал директор Тенишевки В.В. Гиппиус. Учились в Тенишевке и дети многих наших выдающихся соотечественников начала XX века: мыслителя В.В. Розанова, лидера кадетской партии, профессора П.Н. Милюкова, генерала Н.Н. Юденича, К.И. Чуковского... Разумеется, сановитые и учёные родители предъявляли к учительскому корпусу самые высокие требования, которым педагоги Тенишевского училища соответствовали.

Географию в училище преподавал Эмилий Францевич Лесгафт (1870—1922). Племянник выдающегося педагога П.Ф. Лесгафта, он и сам был личностью замечательной. Истинный энтузиаст, Дон Кихот науки, он с 1894 года работал в Главной геофизической обсерватории по морской гидрологии и метеорологии и одновременно с охотой преподавал в гимназиях и Тенишевке. Его учебники географии многократно переиздавались, а книга «Льды Северного Ледовитого океана и морской путь из Европы в Сибирь», увидевшая свет в 1913 году, на долгие годы стала обязательным чтением мальчишек, мечтавших о полярных экспедициях и географических открытиях. Многие славные биографии начинались с книги Лесгафта.

Химию вёл Владимир Никандрович Верховский (1873—1947) — ещё одна легендарная личность. До сих пор в школьном обиходе мы слышим: штатив Верховского, эвдиометр Верховского, озонатор Верховского. С его именем связано становление химии как самостоятельной школьной дисциплины. Именно Верховский первым стал использовать обучающий экс-

перимент в практике преподавания химии. Тенишевское училище стало началом великого пути: в 1930-е годы Верховский доведёт до совершенства свою программу преподавания химии, основанную на периодической системе Д.И. Менделеева. Программа Верховского привлечёт внимание педагогов всего мира, а начинался его учительский путь в Тенишевском училище...

У истоков Тенишевского училища стоял выдающийся учёный, историк-мидиевист, активный автор журнала Министерства народного просвещения Иван Михайлович Гревс. Гревс был страстным сторонником больших экскурсий, поездок, учебных прогулок, которые помогают оживить курс истории. Под его руководством предприняты были большие экскурсии в средневековые города Прибалтики, Польши, Франции и Италии. Семинары и коллоквиумы Гревса, на которых он не терпел равнодушных и молчаливых, запомнились всем выпускникам Тенишевки.

Училище существовало 17 лет, а после Октябрьской революции оно было преобразовано в Трудовую школу № 15. Позже, в 1960-е годы, здесь готовили учителей рисования и черчения для средних школ. В начале 1970-х годов здание было передано Театральному институту — знаменитому ЛГИТМИКу. В лицевом корпусе училища продолжались театральные традиции Тенишевки: с 1922-го по 1962 год здесь располагался Ленинградский ТЮЗ, которым беспрерывно руководил А.А. Брянцев. Одновременно с ТЮЗом в фойе здания работал и второй коллектив — Театр кукол под руководством Е.С. Деммени. Конечно же двум театрам было тесно под одной крышей. И со временем они оба получили отдельные помещения, а оригинальный тенишевский амфитеатр с 1962 года стал функционировать как Учебный театр ЛГИТМИКа. Эта история также имеет непосредственное отношение к педагогике, но о ней — в другой раз. **НО**